

ДВЕНАДЦАТАЯ МАШИНА

Научно-фантастический рассказ-шутка

В. Антонов живет и работает в Баку. «Двенадцатая машина» — первый научно-фантастический рассказ молодого автора.

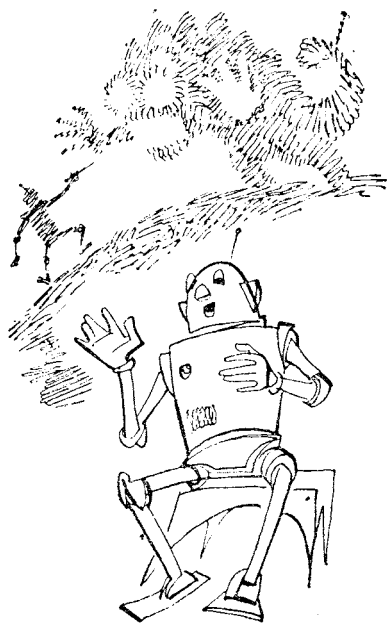

Рисунок В. Карабута

Я хорошо помню тот день, когда мой друг Вадим сообщил, что у него появилась новая идея. Мы сидели на веранде, вечер был свободный, и ничто не мешало беседе. Вадим о чем-то оживленно и долго говорил. Если человек проводит рабочий день в обществе безмолвных роботов, ему просто необходимо поболтать. Я не мешал Вадиму. Но неожиданно я услышал нечто такое, что заставило меня насторожиться.

— Это будет совершенно новая машина, — говорил Вадим. — Ты даже не представляешь...

Я представлял. У меня было уже одиннадцать машин, построенных Вадимом. Одиннадцать совершенно ненужных и отчасти даже непонятных машин. Они занимали всю квартиру. Вместо письменного стола я использовал электронное устройство, предназначенное для игр

с моиими еще не существующими детьми. В коридоре торчал громадный электронный шкаф, который, если не ошибаюсь, должен был регулировать конфликты между мной и моей будущей женой. Другие машины тоже были в этом духе.

— Новая машина? — осторожно переспросил я.

— Да, — ответил Вадим. — Это будет шикарная кибернетическая штука, автоматизирующая литературное творчество. Представь себе...

— Минутку! — перебил я. — Зачем мне эта штука?! У меня уже есть одиннадцать штук. Вполне шикарных. И потом я музыкант. Я не хочу быть литератором!

Вадим пожал плечами.

— Тебе надо лечиться, друг мой. Ты глупеешь прямо на глазах. Машина нужна мне, а не тебе. Я толкую об этом уже полчаса.

Если машина нужна Вадиму — это другое дело. Вообще я — за кибернетику. Необходимо возможно шире внедрить кибернетику в быт.

— Важно найти принцип, — продолжал Вадим. — Тут уже намечаются кое-какие соображения. Допустим, мы вводим необработанный рассказ в дикавентный инверсатор. Даже не рассказ, а заготовку рассказа. Обработанная информация пойдет в синтемодульное устройство. Понял, что у нас получается?

Я выразил надежду, что получится нечто интересное и полезное. Поскольку машина предназначалась Вадиму, я считал пессимизм неуместным.

— Итак, мы устанавливаем связь с блоками памяти и структурной лингвистики, — Вадим начертил в воздухе схему. — Сформируется система эксплинарных уравнений и...

В общем он явился ко мне через четыре месяца и привел новую машину. Она напоминала старинный буфет, поставленный на длинные хилые ножки.

— Работает? — грустно спросил я.

— Да, — ответил Вадим. Голос у него был мрачный. — Познакомься, ее зовут «Эльпигма».

— Какие-нибудь... гм... неполадки? — спросил я, сохраняя слабую надежду.

Вадим, стараясь не смотреть на меня, заверил, что все в порядке. Он объяснил, что это подарок. Да, подарок. Он так и сказал. Оказывается, машину удалось построить сравнительно легко. Трудности возникли при наладке. Вадиму пришлось прочесть массу книг, изучить творчество многих писателей. Результат был несколько неожиданный: Вадим сам стал писать. Он стал писать раньше, чем закончилась наладка машины. Писал он без автоматтики, но рассказы его печатались.

— Я не могу ее держать дома, понимаешь? — говорил Вадим, с неприязнью поглядывая на «Эльпигму». — Что подумают в редакциях?! Скажут, что я пишу с помощью машины...

«Эльпигма» осталась у меня.

Я даже не пытался спорить. Мне никогда не удавалось переспорить Вадима. К тому же я вспомнил, что недавно открылась специализированная мастерская по приему от населения непригодных кибернетических устройств. Я угодил Вадима консервированными ананасами, и мы допоздна обсуждали открывающиеся перед ним новые творческие перспективы.

Утром я позвонил в мастерскую. Мне сообщили, что желающих сдать машины много, и попросили заполнить мой номер в очереди. Запомнить его было нетрудно — 30309.

Тогда я позвонил в Музей кибернетики.

— Ничем не могу помочь, — сказал мне заведующий сектором Особо Нелепых Уникумов. — Мы только что получили крупную партию совершенно потрясающих экспонатов. Эпоха ранней кибернетики. Вам придется подождать, пока будет построено новое здание...

Черт побери, во времена повального увлечения кибернетическими самоделками таких музеев нужно строить как можно больше! Я не мог держать эту «Эльпигму» дома! Это была нахальная и дикая машина. На второй вечер она сбежала — Вадим зачем-то снабдил ее шагающим устройством. Не скрою, у меня не было особого желания ее разыскивать. Но машину нашли и вернули...

Может, я и смирился бы с «Эльпигмой», но она непрерывно говорила. Там, где у всех порядочных машин размещается ограничительное устройство, у «Эльпигмы» торчал блок свободы творчества. Ее нельзя было выключить. Она постоянно работала! В жизни я не видел такой энергичной машины. Она ловила слова — безразлично какие — и немедленно выдавала безукоризненную прозу. Если ей удавалось подслушать разговор, она превращала его в повесть или пьесу в трех действиях. Голос «Эльпигмы», визгливый и дребезжащий, преследовал меня повсюду. Я стал замечать, что и сам начинаю говорить таким голосом...

И решил, я музыкант, в технике разбираюсь слабо, но тут решил действовать научно. Кибернетику можно осилить только кибернетикой, подумал я, и направился в Центральный Информаторий Главной Памяти.

В огромном зале за столом с дощечкой «Помощь дилетантам» сидела девушка и читала старинный роман «Граф Монте-Кристо». Ей было скучно, и она обрадовалась моему приходу. В течение двух минут мы запрограммировали вопрос четвертому хранилищу Главной Памяти.

— Не волнуйтесь, — участливо сказала девушка. — Она обязательно придумает.

Главная Память ожила. За ее панелями, расположенными вдоль стен зала, послышался рокот. Замигали красные, синие и зеленые огни. На щитах вспыхивали и гасли надписи.

Решение Главной Памяти было сформулировано с древнеримской лаконичностью: «Сдать в экспедицию № 172».

Потрясенный, стоял я посреди огромного зала и думал, что Главная Память — выдающееся достижение кибернетики. Мне казалось, что, узнав о моих мучениях, она будет

ругаться. Ведь Главная Память хранила, как бы это сказать, разные слова. При желании ей было что сказать. Но она вежливо предложила сдать «Эльпигму» в экспедицию № 172. Все-таки XXI век — это хорошо!

Остальное было просто. Я дал знать Центральной Службе Перемещений, прибыл дежурный автоманипулятор и мгновенно убрал машину из моей комнаты. Конечно, я был в отличном настроении! Единственное, о чем я мечтал, это об упущенной возможности сдать ко всем... виноват... сдать в ту же экспедицию одиннадцать других кибернетических штук.

Все-таки в XX веке было спокойнее. Техническая самодеятельность ограничивалась радиоприемниками и катамаранами. Не приходилось опасаться, что получишь в подарок дурно выдрессированного кибернетического слона...

Спустя два года я женился. Представьте себе, что вскоре мне понадобилась электронная машина для объективного рассмотрения конфликтов с женой. Машина эта работала просто изумительно, и мы не раз с теплым чувством вспоминали Вадима. Да, забыл сказать, что незадолго до моей женитьбы он исчез, не сообщив нового адреса. Позже я узнал, что ему предоставили творческую командировку на Марс и он сразу же вылетел.

Просто непонятно, как я раньше недооценивал технику! Ну, что бы я стал делать, не подари мне Вадим машины для игр с детьми? Это была незаменимая машина. Надо было видеть, с какой заботливостью следила она за каждым действием нашего ребенка...

Постепенно все машины, подаренные Вадимом, оказались нужными и прочно заняли место в нашей жизни. Включив одиннадцатую машину (это было кибернетическое устройство для прививания интереса к приключенческому жанру), я с некоторым сожалением вспомнил о той, которую сдал в экспедицию № 172. А вдруг и она пригодилась бы в хозяйстве?

Вероятно, «Эльпигма» обладала способностью появляться в тот момент, когда о ней начинали думать. На следующий день она вернулась. Я не сразу узнал ее. Она возмужала, стала как-то внушительнее и уже не казалась неуклюжей. А главное — она перестала болтать! Теперь «Эльпигма» говорила немногословно, веско, как человек, знающий цену своим словам. Даже голос у нее стал солидным и убедительным.

По странному стечению обстоятельств Вадим тоже вернулся из командировки.

Я не люблю, когда электронные машины мешают дружеской беседе. Но то, что мы услышали от «Эльпигмы», было невероятно интересно. Вместе с экспедицией № 172 (оказывается, это была космическая экспедиция) она побывала на четырех планетах Артура. Люди не могли там высадиться, а обычные кибернетические разведчики давали слишком мало информации. Их программировали ученые и инженеры. Поэтому приносимые сведения были суховаты и односторонни. Представьте себе, скажем, встречу с неиз-

вестным животным. Что может сделать обычная кибернетическая машина? Она, конечно, определит размеры, вес, классифицирует, опишет образ жизни — и все. То ли дело «Эльпигма»! Когда она, например, говорила о схватке с семируким ипогавром, кровь стыла в жилах!

— Ипогавр подстерегал нас в скалах, — рассказывала «Эльпигма». — Мы обнаружили его ультрафиолетовыми детекторами. Еще никто на планете не видел ипогавров вблизи, и информация — я хранила ее в сто седьмом блоке — измерялась миллибитами. Но мы пошли вперед. В ночной тишине прозвучал тревожно чей-то далекий крик — и снова все стихло. А потом киберразведчик МКР бросился вперед. Он храбрый, этот МКР, но дурак. Он не читал даже «Одиссея». Не успел он добежать до каменного вала, как его схватил ипогавр. Я услышала отчаянный рев сирены и треск екручиваемого металла. Признаюсь, в этот момент моя электронная схема вздрогнула от страха. Липкая волна неуправляемой индукции сковала синхронные моторы двигательной системы. Это продолжалось стотысячную долю секунды, не больше. За это время я успела прочесть «Три мушкетера». Это наполнило меня уверенностью в победе. Включив эпсилон-ограждение, я медленно продвигалась вперед. И тогда над каменным валом вновь поднялись руки ипогавра. Они были гибкие, как щупальца осьминога, и покрыты жесткой чешуей, как лапы крокодила. Они тянулись ко мне, выпуская лезвия когтей, и я видела...

Тут автомат для занятий с детьми перепугался, и мне впервые пришлось его выключить. Только после этого мы дослушали рассказ «Эльпигмы».

Да, «Эльпигма» показала, на что она способна! С тех пор в состав космических экспедиций всегда включают писателей. Иногда живых, иногда кибернетических.

Вадим хотел забрать «Эльпигму», но я ее не отдал. Правда, я не возражаю, когда он приходит по вечерам, слушает рассказы «Эльпигмы» и литературно обрабатывает их (отчего они, на мой взгляд, сильно проигрывают).

Дети безумно любят «Эльпигму». С тех пор как она вернулась, я не включаю автомат для занятий с детьми. Ее рассказы они предпочитают сказкам.

А на днях мне пришлось включить автомат для выяснения отношений с женой, и он никак не мог разобраться в запутанной ситуации, и тогда «Эльпигма» начала рассказывать о нападении зеленых куру-куру, и автомат мгновенно умолк, а мы с женой забыли о ссоре.

...Вчера мне позвонили из мастерской по приему негодных кибернетических устройств: напомнили, что очередь моя подходит. Надо будет сдать им одиннадцать ненужных теперь автоматов.

